— Он тебе показал, правда? — женский голос вырывает меня с Гермионой из взаимного подшучивания. Оглянувшись, видим Лаванду с выражением лица, полным ожидания захватывающей воображение сенсации.

— Как ни странно, показал, — я чуть не подавился слюной от её слов и хулиганской усмешки. — Я смогла вытерпеть только до второго шага.

Поперхнувшись, Лаванда опять убегает.

— Ты меня убить хочешь? — стону я.

— О чём это ты? — невинно хлопает она ресничками.

— Конечно ты понимаешь, — издаю я поражённый вздох. — Скоро вся школа “услышит” твой ответ и будет обсуждать, что это я с тобой делал?

— Ой! — всё кокетство слетает и выглядит она, как загнанная под свет фар олениха — надо бежать, а куда — непонятно.

— Ага! Но по крайней мере, только только ты, я и Гарри знаем про твоё пребывание со мной под одеялом этим утром. Правда есть и положительный момент во всём этом деле — мне могут предложить продемонстрировать умения.

Да уж, картина Рубенса “Приплыли”. Надо пожалеть девушку, и я слегка прижимаю её одной рукой в своему боку.

— Шучу я, шучу. Ладно, что сделано, то сделано, ничего не попишешь. Пошли, найдём Гарри и вскроем наши подарки. Я всю ночь не спал, всё беспокоился, как вы мои восприметe. Надоело мучиться, сдаюсь на милость, и покончим с этим побыстрее.

Облегчённый вздох от смены темы, и она сразу же тянет меня за собой.

— Они наверняка чудесные, Уильям.

Повернувшись к лестнице в мальчишечьи спальни, обнаруживаем прислонившегося к стене и улыбающегося Гарри.

— Весёлого рождества, Гарри, — широко улыбается Гермиона и крепко обнимает.

— Весёлого рождества, Гермиона, — тепло отвечает ей он.

— Извини, надо было раньше поздравить, но меня зацапал этот вот здоровенный болван, — кивает она головой в мою сторону.

Улыбаюсь и кручу головой, показывая, что оценил шутку. Хотел было остроумно возразить, но не решаюсь — те варианты, что лезут сейчас в голову какие-то… ранящие. Пусть лучше она шутит, а не копит обиду или злость.

— Весёлого рождества, Гарри. Пойдём, посмотрим на ваши подарки?

— И на твои тоже. Весёлого рождества, Уильям.

Около ёлки роится маленькая толпа болтающих друг с другом учеников. Невилл обсуждает что-то с Роном, Дином и Симусом. Смешно, конечно, но на секунду я вдруг пугаюсь, что Невилл или Рон покажут Гарри и Гермионе карточки и испортят сюрприз. Потом вспоминаю, что вчера вечером написал постскриптум всем четверым с просьбой не показывать свои подарки остальной троице, пока все их не распакуют. Невилл замечает нас и машет рукой.

— Эй, весёлого всем рождества! Ваши все здесь, — он показывает на ближайшую к нему кучу запакованных подарков.

— Весёлого рождества, Невилл, — по-дружески обнимает его Гермиона, а он смущённо краснеет. — Что ты получил?

— Хм… Гермиона, открой свои сначала, пожалуйста, а потом мы свои покажем, ладно? — подмигивает он мне.

Благодарю его двумя большими пальцами вверх, а потом присаживаюсь рядом с Гермионой, которая преклонила колени перед весьма значительным штабелем упаковок. Узнав свои обёртки, я передаю их Гарри и Гермионе соответственно. Мы заканчиваем делить на собственные кучки, и я вздрагиваю от неожиданно большого размера своей.

— Что-то не так, Уильям? — замечает моё напряжение Гермиона.

— Я не наделал такого количества подарков. Боюсь, я кого-то забыл.

— Никто не ждёт чего-то обязательного в ответ, Уильям. Это же Рождество. Ты всегда можешь придумать что-то потом.

— Надеюсь, — благодарю её улыбкой, но всё равно мне неловко.

Открываю упаковку поменьше, которая оказывается набором вкусностей от Рона. Ищу его взглядом, чтобы поблагодарить, но рыжий уже с головой зарылся в доставшемся ему мешке со

сладостями. Моя куча делится на стопку упаковок размером с книгу с добавкой нескольких свёртков побольше. Выбираю книги. Первая же распакованная оказалась старинным манускриптом, озаглавленным “Магика управления энергиями без внешнего фокуса”. Из-под кожаной обложки мне на колени выпадает записка.

Уильям,

Этот том по беспалочковой магии из личной библиотеки моего отца. Ты достаточно сведущ, поэтому я постаралась выбрать наиболее продвинутый источник из его коллекции редкостей. Надеюсь, тебе пригодится.

Д

Не могу удержаться и быстренько перелистываю страницы вплоть до тычка локтём от Гарри.

— Эй! У нас правило: никакого чтения подарков, пока не откроешь все! А то Гермиона, бывало, выцепляла книгу, и фиг потом до неё достучишься.

— Полная несправедливость! — смеётся вместе с Гарри упомянутая.

— Согласен! У меня их тут целая куча, — похлопываю я по стопке. Чтобы не поддаться искушению я перехожу к крупным свёрткам. Беру и легко вскрываю самый верхний и мягкий из них. А в нём большой серый свитер с удивительно чёткой “У” на груди.

— Ты получил Уизли-свитер! — восклицает Гарри.

— Ни фига се! Клёво как! — прижимаю к себе, и он оказывается восхитительно мягким. Я тут же скидываю накидку мантии и залезаю в него. Свитер слегка великоват, но это даже приятно и очень удобно. В комплекте идут вязаные варежки и шапочка, которые я тут же одеваю для гармонии ансамбля. — Вот это вещь! Море удовольствия!

Гарри копается в собственной куче и, вытащив, быстро распаковывает зелёный свитер с драконом спереди.

— Ух ты! Отличная картинка, Гарри.

— И мой, и твой? — мы по-дурацки скалимся друг на друга. А потом я вижу как счастливо улыбается Гермиона, глядя на нас, и осознаю, что ей такой свитер не достался.

— Ой, прости, Гермиона. Мы тут… Я не хотел бередить…

Она отмахивается, не переставая улыбаться.

— Всё замечательно, мальчики. Просто покажите Рону с остальными как вам понравились подарки.

— Обязательно.

Мой следующий свёрток заметно объёмнее, и в нём оказывается полный набор новеньких школьных мантий от Сириуса и Ремуса, причём гораздо качественней моего теперешнего. Слегка сменить покрой, и от парадки не отличить! Накатывает волна сожаления, что я забыл про них при изготовлении подарков, хотя сам же попросил их участия в смертельно опасном деле. Делаю закладку в уме создать для них по набору рунных камней и послать с благодарностью и извинениями. Но я даже не успеваю додумать подробности, как меня дёргает в сторону, и я оказываюсь в кольце отчаянно сжимающих меня рук.

— Это прекрасно, Уильям! — с чувством шепчет Гермиона. — Спасибо тебе!

— Что ты получила? — спрашивает Гарри.

Гермиона не отвечает, а вместо этого достаёт из его стопки мой подарок ему.

— Ух ты! А твой гораздо тяжелее моего. Давай, открывай.

Гарри вопросительно смотрит на меня.

— Это от меня, — чувствую себя не в своей тарелке под его взглядом.

Он разрывает упаковку, и ему на колени выкатывается снитч с его относительно простой резьбой. Он проводит пальцем по его выпукло выгравированным крылышкам, затем по эваз — руне скорости, — вырезанной снизу.

— Ух ты, как здорово! Я и не знал, что ты так хорош в гравировке.

— Практика, и ничего кроме практики, — слегка улыбаюсь я.

— Давай посмотрим всю резьбу, — в нетерпении ёрзает Гермиона, и тут же, обернувшись, машет Рону и Невиллу подойти.

Тот кладёт снитч обратно на колени и отодвигает в сторону тяжёлую сумку с рунными камнями. Вынув записку из рамки, он рассматривает картинку нашего седьмого этажа, а потом пальцами ощупывает сначала выпукло вырезанные гоночные мётлы наверху и внизу рамки, а

затем руны в левом вернем и правом нижнем углах.

— Это невероятно, Уильям, — тихо говорит он. — Не удивительно, что ты так скрывал всё от нас.

— А ещё глянь, — влезает Невилл с широкой улыбкой, показывая свою рамку Гарри. — Спасибо, Уильям. — У Невилла те же руны, но относительно простые растения и пара того, что предполагается перчатками для гербологии внизу. Не самая моя тонкая работа, но её грубость и вправду смотрится слегка художественно. Хотя, я не так уж силён в оценке произведений искусства.

— У меня лучше всех, — гордо заявляет Рон и предъявляет Гарри доказательство. Ронова рамка была самой простой, поскольку я сделал края дугами квиддичных колец, окружающих руны. Его руны — те же самые, что и на его квиддичном кольце. На фото был он сам, ловящий квоффл во время одной из пробных игр в начале года. — Это блестяще, дружище. Спасибо, — хлопает он меня по спине.

— Моя, — показывает Гермиона Гарри свою рамку. Она детальнее проработана, ведь для неё и для Луны я работал дольше всего. Выпуклые виноградные лозы, опускаясь по сторонам, встречаются внизу, в центре, как раз под репликой её палочки.

— Офигеть, — шепчет он. — Ты и вправду выложился здесь по-полной. У меня фантастичная, но здесь... Эй, а тут внизу у неё не такая, как у меня и Невилла, руна.

Гермиона теперь сравнивает руны, а потом разворачивается ко мне с вопросительным выражением. Я вспыхиваю, как помидор.

— Э, — я прокашливаюсь. — У тебя вуньо, Гарри, как символ радости от полётов. То же самое у Невилла от гербологии. Для Гермионы гебо с палочкой — знак её любви к магии. Верхняя руна для вас троих — ингуз, отражает мир в душе, который мы все ощущаем от созерцания пейзажа вместе с Луной. Рон, твои обозначают защиту и победу.

Удивлённое, а потом слегка скептическое выражение лица Гермионы ясно показывает, что она видит сквозь мою ложь. А я-то считал, что всё отлично придумал.

— Я видел снитч, Гарри. Он мне тоже ещё кое-что сделал, — Невилл показывает всем свой львиный медальон.

Рон предъявляет квиддичное кольцо, к которому я позднее вырезал подставку, так что он теперь могло стоять. Гермиона показывает книжную закладку, и я чувствую себя помидором от всеобщего внимания.

— Я попросил профессора Фливика наложить чары неразрушаемости, Гермиона — не был

уверен в собственных силах.

— Замечательная вещь, — говорит Гарри.

— Давай, открывай последний мешок, — поторапливаю его.

Гарри, прочитав мою записку, ныряет в мешок с рунными камнями и по одному вытаскивает их, расставляя в ряд. Гермиона таращится на светящуюся энергетическую руну.

— Это турисаз-ингваз триплет, Уильям? Что ты наделал? Они не такие, как мои!

— Ага, у меня с трудом получилось. Пришлось просить профессоров Бабблинг и Вектор, иначе мне бы ни за что не догадаться. Давай, Гермиона, смотри остальное.

— Хагалаз, уруз, альгиз...ингваз ядро... Похоже на барьерные камни. Но почему тогда все они спарены с mannaz? — У неё перехватывает дыхание. — Это защита снов, Уильям?

— Чёрт побери, Гермиона! Мне на это понадобилась целая вечность. А тут ты просто глянула и за полминуты всё расщёлкала!

— Расшифровать существующую барьерную схему — это не то же самое, что её спроектировать, Уильям! Это же ТРИТОНовский уровень! Нет, чёрт побери, наверняка гораздо выше!

Чешу в затылке и строю всем смущённую моську.

— Я не всё сам придумал, во-первых, а просил помощи у профессоров Бабблинг и Вектор. У последней оказались знакомые в Святом Мунго, где что-то подобное используется в психиатрических и детских палатах. Но тамошние гораздо сложнее и больше по размерам по сравнению с моей упрощённой и уменьшенной версией.

Взгляд Гермионы тут же приобретает хорошо заметный мне блеск заинтересованности, всегда возникающий при поглощении интересной информации. Я почти вижу, как у неё в голове появляется целая череда вопросов. Но она преодолевает себя, поболтав головой, чтобы отбросить их на время и вернуться к более неотложным делам.

— Ты уверен, что это работает?

— Я проверял их на себе. Энергоруна работает стабильно... с минимальной утечкой. Абсолютной уверенности в остальном у меня нет, но и по-настоящему плохих снов у меня тоже не было. — Невилл и Рон внезапно увлекаются изучением узоров на полу. — По крайней мере у меня их не было во время испытаний. Ах да, один раз ночью руна подпитки слегка

разряжалась, что по мне не похоже на утечку, но и не является явным доказательством обратного...

Гермиона тяжело переводит дух и вытаскивает ещё пару рунных камней. На одном соулу для зарядки вместе с контролирующей её ансуз и кано для разрядки. На другом выгравированы соулу, ансуз и эйваз.

— Поэтому-то ты был такой измотанный последние дни. Ты заряжал руны!

— Я только пару дней назад догадался, что рунные светильники и щиты... — я показываю сначала на кано, а потом на эйваз, — ...лучше работают в форме шара. Поэтому подгонял их форму магией, а для этого пришлось их сначала разрядить, а потом зарядить заново.

— Все? — удивляется она.

— Ага, ещё парочку я подарил не вам.

— Просто чёрт-те что, Уильям, — качает она головой, раздираемая противоречиями — веря и не веря одновременно.

— Ты в порядке, Гермиона? — с преувеличенной заботой интересуется Рон. — Каждый раз как ты вот так высказываешься, тут же чудится, как появляется твоя копия и от души чехвостит тебя за сквернословие.

— Это всё вредное влияние Уильяма на её словарь, — ухмыляется Невилл.

— Не могу поверить, что ты всё это сделал, Уильям... — игнорирует их инсинуации Гермиона. — Все считают, что нужны годы, чтобы научиться заряжать руны, не используя кровь. Даже незаряженные такие камешки стоят не один галлеон штучка. Надо заплатить несколько сотен специалисту по барьерам только за изготовление подобного набора. Я уж не говорю, что Гарри пришлось бы самому их заряжать собственной магией. После того, как научится, конечно.

Сначала я удивляюсь, а потом осознаю — как долго у меня заняло это дело.

— Похоже, сермяжная правда в этом есть, но мне в голову не приходило взглянуть под таким углом. Конечно, если бы оно не заработало, то ничего бы и не стоило. За исключением вполне подходящей зарядной руны. Я думал было приспособить автозарядку от наутиз, чтобы Гарри смог использовать не в школе, даже если бы начальный заряд исчерпался. Но уж слишком стрёмно.

Гермиона с шумом переводит дух.

— Тебе бы лучше и дальше стремиться, ведь это уровень настоящего мастера! Ты же мог убить себя или Гарри просто при попытке!

— Я знаю, поэтому не буду пытаться использовать по крайней мере ещё пару-тройку месяцев.

Наша “добрая” фурия сжимает губы в линию и старается в который уже раз убить меня на месте взглядом.

— Спасибо тебе, Уильям, — тихо говорит Гарри. — То, что ты столько потратил… В-общем, спасибо.

— Всегда пожалуйста. Рад, что тебе понравились. Ладно, заканчивай вгонять меня в краску и открывай остальное!

Гермиона смягчает взгляд, наклоняется и целует меня в щёку.

— Спасибо, — шепчет она и возвращается к своей кучке.

Сам я вскрываю пакет, который держал в руках до “нападения” Гермионы. Это симпатичное, тёмно-серое демисезонное плащ-пальто от профессора МакГоннагал. К нему приложена записка, что это подарок, но добро пожаловать, если я желаю продолжать работать с ней. Мне опять приходится ругать себя, что даже не подумал о подарке для неё.

Последний из крупных пакетов имеет такой же примерно вид и размер, и в нём оказывается тренировочный костюм от Луны. Я просто шалею от нормальности подарка, только слегка недоумевая на причудливые узоры кед и низа штанин. Удивляюсь я только до момента, пока из пакета не вываливается старый номер “Придиры” со статьёй, в деталях расписывающей критическую важность цветастой обуви для бега рядом с водоёмом, населённым магическими существами.

Закончив с большими упаковками, я возвращаюсь к оставшимся и вскрываю небольшую и довольно лёгкую коробку, которая книгой быть не может. В ней лежат мерцающий тёмно-серый галстук-бабочка, пара дорого выглядящих запонок и изящная белая бутоньерка в форме розы от Астории. В записке она просит обязательно надеть их на бал сегодня вечером. Благородный шёлк и несомненно платиновые запонки наверняка недёшевы, но я понимаю, что они в большей степени не для меня персонально, а для представительности её кавалера. Меня настигает ещё один приступ беспокойства по поводу мизерности моего дара ей, но, как всегда, отодвигаю эту мысль на задворки.

Перебирая оставшиеся упаковки, натыкаюсь на ещё одну нестандартно тяжёлую. Значит, тоже не книга. Это тяжёлая шкатулка с набором инструментов для гравировки рун, несколькими тонкими пластинами песчаника и книгой по египетским схемам барьеров со способами взлома. Записка внутри написана быстрым небрежным почерком.

Уильям.

Я рассказал другому Уильяму (Биллу Уизли) о твоём интересе к рунам и попросил его порекомендовать набор для гравировки вместе с соответствующей книгой. Он предложил этот уомплект для начинающего и прислал книгу, говоря, что египетские руны одни из самых интересных, благодаря разнообразию вариантов написания и возможных значений. Веселись!

Гарри.

Забыв про соглашение, я тут же открываю книгу.

— Гарри, это фантастика. Спасибо большое!

— Эй! Не читать! — смеётся он в ответ.

— Да я просто… решил закладку тут оставить, — стараясь выглядеть как можно невиннее, я встречаюсь взглядом со смеющейся надо мной Гермионой.

— Какой предусмотрительный мальчик! Это же так важно — найти верное место для своей закладки! Мне теперь есть с кого брать пример.

— И как ты терпишь это правило, Гермиона? — смеюсь я со всеми вместе. — Я вот в ужасе, как противостоять ещё пяти искушениям его нарушить?

По лёгкому румянцу понимаю, что одна из них — наверняка от неё. Поэтому я возвращаюсь к распаковке. Первой мне попадается маггловская книга о резьбе по дереву от Хагрида. Проклятье! Ещё одна личность, не получившая от меня подарка. Как я мог про него забыть? А как он добыл маггловскую книгу, кстати? Она завлекающе манит обложкой с подробной фотографией тщательной деталировки фигуры льва, но, увы, правило есть правило, перехожу к следующей.

Это, похоже, не книга, а дневник. Вдобавок в пакете лежат набор угольных карандашей разной толщины, маггловская ручка, рулон толстого пергамента, чернильно-тёмная прямоугольная призма и… что-то типа удлинённого стеклянного глобуса, перетянутого лентами из какого-то материала. Зайдя в тупик, я замечаю записку от Гермионы.

Уильям.

Это личный блокнот разрушителя проклятий, наждачные карандаши, пергамент и детектор магического резонанса. Несомненно, это самые нужные для разрушителя проклятий инструменты, наряду с заклинанием головного пузыря, согласно Биллу Уизли. Он также пожертвовал первую рунную схему в твой блокнот. Это его личная модификация схемы предупреждения о вторжении.

Блокнот, по его мнению, самая ценная собственность любого разрушителя. Он содержит все открытые и побеждённые им схемы барьеров. А поэтому должен храниться и защищаться, как собственная жизнь. На первой странице он нарисовал один способ, как защитить его от большинства людей, но предупредил, что для серьёзной защиты этого совершенно не достаточно.

Маггловскую ручку и чернила добавила уже я. Я поработала с профессором Флитвиком и зачаровала ручку, чтобы она самозаполнялась из пузырька и служила как можно дольше. Ты говорил, что предпочитаешь практичные вещи, и я надеюсь, что тебе понравится!

С любовью, Гермиона.

Рассматриваю подарки, а сам пытаюсь избавиться от ощущения себя жирафом. Наконец до меня доходит, и я принимаюсь ржать.

— Что такое? — спрашивает всё ещё румяная Гермиона оправдывающимся тоном.

— Ох, Гермиона, это потрясающе! Спасибо за подарки, я эти штуки очень люблю. Но тебе стоит самой перечитать свою записку.

— Не понимаю тебя, — Гермиона озадачена и слегка злится на меня.

— Ещё раз погляди — каковы самые главные вещи для взломщика проклятий? — расплываюсь я в улыбке чеширского кота. Она хмурит брови, ещё раз просматривая свою записку.

— Вот, он же упоминает их. Я что-то неправильно написала?

— Какова единственная вещь, которую ты не смогла мне подарить?

— Чары головного пузыря? — выдаёт она после быстрого взгляда на текст.

Многозначительно смотрю на неё.

— Ты же умница, Гермиона. Для чего они нужны?

Она выпрямляется и хмурит брови.

— Они позволяют… — начинает она отвечать, и тут её лицо приобретает вид полного ошеломления — глаза как блюдца и ротик буквой “о”. — Я настоящая идиотка! — она так звонко хлопает себя по лбу, что на неё оборачиваются почти все обсуждающие между собой полученные подарки ученики.

— Я думал, мы давно определили тебя в категорические исключения из данной категории, — сердитая гримаса показывает неубедительность моих слов для неё.

— Показатель уровня знаний не равен умению их вовремя применять. Сама себе не верю, что до меня так и не дошло, пока ты не вбил мне это в голову, как гвоздь молотком.

— Ерунда, просто ты получила опыт. В следующий раз сама догадаешься.

— Поговорим об этом за завтраком, или после, — наконец обращает она внимание на взгляды окружающих. — Я всё ещё считаю, что твоя другая идея… ладно, позже обсудим.

— Разумно, — соглашаюсь я и возвращаюсь к подаркам. Мне не терпится побыстрее разделаться с ними и засесть за барьеры и взлом. Но потом вспоминаю, зачем я здесь, отрезвляюсь и утихомириваюсь, не найдя реальных способов использовать это направление для срыва возрождения после третьего задания.

Следующим подарком оказывается экземпляр нашего учебника по арифмантике без сопроводительного письма. Я тут же вскрываю предпоследний пакет, а там — учебник по рунам, также без записки. Слегка озадаченный, я откладываю их в сторону и открываю последний подарок-книгу, в которой распознаю монографию по барьерам из нашего первого занятия с Гермионой. А вот в ней есть записка.

Уильям.

С момента нашей первой встречи в выручай-комнате я объединяла наши заметки из арифмантики и древних рун, чтобы сделать полезные взаимные ссылки на полях между учебниками и этой книгой по барьерам. Из твоих копий я убрала все мои излишества, но надеюсь, что главное осталось. У тебя выдающийся талант в этой области, так что я могла бы и побольше убрать. Пусть у тебя будут собственные экземпляры — записывать личные заметки и мысли на полях или просто делать с ними всё, что захочешь.

С любовью, Гермиона.

Теперь, когда все подарки открыты, я могу без чувства вины пролистать открытый учебник по арифмантике. И конечно там были заметки на полях, номера глав и страниц книги по барьерам и учебника по рунам, написанные аккуратным, изящным почерком Гермионы.

— Это потрясающе, Гермиона. Ты мне сколько всего изумительного надарила!

Она радостно улыбается в ответ.

— Сначала я хотела подарить эти три книги, но потом увидела твой подарок Невиллу, и как упорно ты трудишься над остальными. И поняла, что твои подарки будут лучше моих. Так что,

когда Гарри сказал, что пишет Биллу о тебе, я присоединилась.

— Всё равно твои подарки для меня гораздо ценнее моих для тебя. Спасибо тебе, Гермиона, — я крепко обнимаю её. — Можно я гляну, что ты ещё получила.

* * *

Завтрак оказывается одним из двух праздничных застолий на сегодня. Поскольку обычный ужин перекрывал бы время на подготовку леди к балу, то завтрак стал поздним, а ужин — заметно более ранним. Мы сталкиваемся с Луной перед входом в большой зал, и она немедленно обнимает меня.

— Эй, — говорю от неожиданности, а сам обнимаю её в ответ. — Привет, Луна.

— Здравствуй, Уильям, — не желает она отпускать меня.

За время нашего знакомства девушка стала гораздо чаще выказывать своё расположение людям. Наверняка это благодарность за мой подарок, но мне не хочется самому заводить об этом разговор. Я лучше буду и дальше просто обниматься.

Рон смущается, а вот Гарри с Гермионой просто улыбаются на нас. Правда, заметив неловкое переминание Невилла, принимаю решение закруглиться.

— Спасибо за подарок. Мне прямо не терпится пробежаться в таком удобном тренировочном костюме вместе со всеми.

— Это тебе спасибо за фото и за рамку, они по-настоящему прекрасны, — хоть я и не вижу её спрятавшегося в моей груди лица, но я не сомневаюсь, что она улыбается. Наконец она отстраняется. — О, и за это вот тоже спасибо, — она вытаскивает из-под мантии сделанный мной медальон.

— А что это за странная тварь на нём? — наклонившись поближе и скосив глаза, спрашивает Невилл. — Похожа на бобра, но что у неё с мордой?

— Здесь вы наблюдаете юмористический шедевр эволюции — так называемого утконоса. Это немагическое существо обитает в Австралии.

— Да не может быть, чтобы это существовало на самом деле, — Рон смеётся, очевидно считая всё шуткой.

— Нет, вправду существует, — Гермиона радостно сверкает глазами на мою тираду.

— Даже если вы не видели чего-то сами, это не значит, что эта штука не существует, — с видом мудреца изрекаю я банальность, и уже голосом попроще добавляю. — Я покажу тебе картинку следующий раз в выручай-комнате.

Глаза Луны сияют всё ярче и ярче с каждым нашим словом, тут она не выдерживает и опять обнимает меня, а я смеюсь под урчание в животе.

— Я люблю обниматься, Луна, но такими темпами мне придётся тащить тебя на завтрак на руках.

В конце концов Луна садится с нами за гриффиндорский стол, а я ещё раз отмечаю её миниатюрность и умение быть незаметной. Завтракают все неторопливо, в первую очередь из-за обсуждений как подарков, так и грядущего бала. Кстати о бале, я вспоминаю, что ещё не видел сестёр Гринграсс, поэтому начинаю выглядывать их за слизеринским столом. Не видать.

— Хочешь пойти поискать их? — распознаёт мои взгляды Гермиона

Переключаюсь на неё и не могу понять, что она чувствует. Но, кажется, в её глазах меньше неприязни к Дафне, чем обычно при её упоминании.

— Потом увидимся, — пожимаю я плечами.

— Дафна всё ещё не извинилась за твоё оглушение, — замечает Гермиона с нотками злости в голосе.

— Да ладно, если по справедливости, сам виноват — обнял её без разрешения.

— Ты хорошо обнимаешься. Не понимаю, что ей не понравилось? — вставляет пару кнатов Луна.

— Спасибо, Луна.

— Мы можем пойти и найти её, Уильям. Все поели, правда Рон в честь праздника будет тут сидеть до победного — пока еда не закончится. А вся эта болтовня про бал у меня уже вот где, — и Гарри показывает ладонью у горла — где. Смотрю на Гермиону, и та вздыхает:

— Не возражаю.

— Составить компанию? — спрашивает Невилл.

— Конечно. Хотя… она может не захотеть извиниться, если будет слишком много народу.

— Это не должно имеет значения, — жёстко заявляет Гермиона.

— Я остаюсь! — с энтузиазмом вызывается добровольцем Рон, заслужив понимающие усмешки со стороны остальных. С посерьёзневшим лицом Невилл говорит:

— Тогда я также остаюсь. Но будьте осторожны.

— Я тоже останусь здесь, — говорит Луна и с лукавством обращается к гриффиндорке. — Гермиона, обязательно убедись, чтобы она осознала, как хорошо обнимается Уильям, и что нет причин сердиться на него.

Хмыкаю, прижимаю её к себе сбоку одной рукой и целую в макушку.

— Я гарантирую, что она поймёт причины. Спасибо, Луна.

Встаём и направляемся к выходу из зала. Нас троих пасут взглядами, но скорее всего из-за Гарри. Наконец, в одном из пустынных закоулков вдали от лестницы Гарри достаёт карту и проверяет её. Через несколько минут мы все убеждаемся, что сестёр нет в замке. Опять я вижу Хмури и Крауча в кабинете ЗОТИ и покрываюсь холодным потом от страха, что их заметят Гарри или Гермиона. Когда же я успешно принуждаю себя отвлечься от “оборотня”, то отмечаю пару имён людей, выходящих из большого зала — Трейси Дэвис и Блейз Забини.

— Хочешь их перехватить? — Гарри тоже замечает и показывает на отметки.

— Если вы, народ, согласны поучаствовать, — гляжу на Гермиону. Она в ответ смотрит на меня загадочно-непонятно и говорит:

— Тогда пошли.

Мы молча движемся по коридорам и за считанные минуты догоняем наших визави. Несколько раз я пробую поймать взгляд Гермионы, но она не подаёт виду на мои попытки.

— Мистер Забини, мисс Дэвис, — зову я, как только вижу их, быстрым шагом приближаясь к ним.

— Лернер, — стандартно-холодно отмечает моё присутствие Забини.

— Вы, ребята, видели сегодня Дафну? Я был занят эту неделю,так что не смог лично извиниться перед ней. — Сзади я слышу какой-то шум от Гермионы, но словами она ничего не озвучивает.

— Её здесь нет, — коротко говорит Блейз, на что Трейси стандартно закатывает глаза и расширяет его ответ:

— Отец доставит её к полудню.

— Ну конечно, семейные дела, — киваю я. — Асторию тоже, как я полагаю?

— Да, — быстрым ответом Трейси выключает Блейза из разговора.

— Ладно, надеюсь они получили мои подарки, — я почти бормочу под нос, скорее для себя. — Скажите им, пожалуйста, что я их искал. Как вы полагаете, мисс Дэвис, будет ли им интересно встретиться перед вечерним застольем?

— Да, — опять быстрый ответ.

Блейз ощутимо напрягается, поэтому я спрашиваю уже его:

— Вы возражаете, мистер Забини?

— Ответ отрицательный, он не возражает, — улыбается Трейси. — Просто он злится, что им будет интересно.

— Мне жаль такое слышать, — хотя на самом деле мне не жаль. — Как насчёт коридора седьмого этажа? Если, конечно, вы не хотите выбрать другое место.

— Нет, так нормально, — отвечает она. — Встретимся там, обязательно.

— Значит до встречи, мисс Дэвис.

Идём назад мы гораздо спокойнее. Что, интересно, за дела у Дафны и Астории с их отцом? Хотя, почти наверняка, это просто семейная встреча рождества. Но Невилл не отлучался… Вроде бы его родители постоянно находятся в Святом Мунго, а о бабушке у меня осталось впечатление, что она отнюдь не свет в окошке. Но они всё равно семья.

— Зачем ты это сделал? — внезапно прозвучавший в тишине голос Гермионы вырывает меня из

задумчивости.

— Сделал что?

— Вёл себя так с ними, — говорит она с кислым выражением. — Как будто ты… низший или что-то вроде.

— Не знаю, мне моё поведение кажется естественным, — пожимаю плечами. — Может слово “интуитивно” подойдёт лучше? Скорее всего, у меня создалось впечатление, что мои слова услышат лучше при моём поведении в соответствии с их ожиданиями.

Она недовольна моим ответом.

— А с нами ты так же себя ведёшь?

— Наверное делал что-то подобное слегка при первой встрече с вами, — привожу я в порядок мысли. — Теперь ты меня знаешь часто лучше, чем я сам. У меня нет никакого напряжения или задних мыслей с вами, так что, полагаю, вы видите “настоящего меня”… Хотя, говоря философски, можно считать любое моё лицо той или иной маской. И вообще, есть ли у меня возможность быть самим собой? Не знаю. Может, у меня есть в голове картинка “настоящего меня”, но совершенно необязательно она совпадает с вашим впечатлением или с моими действиями.

— А почему не вести себя в соответствии с картинкой в твоём мозгу? — а вот это уже серьёзно.

— Мне кажется, я стараюсь, — пожимаю я в который уже раз плечами.

— А ты, каким тебя вижу я, совпадаешь с образом в твоей голове? — спрашивает она после паузы на обдумывание моего ответа.

— Нет, — следует мой немедленный ответ. Она слегка вздрагивает, но я тут же расплываюсь в ехиднейшей ухмылке. — Если судить по количеству убийственных взглядов, я себя оцениваю гораздо смешнее, чем ты обо мне думаешь.

Гарри покатывается от смеха вместе со мной, а Гермиона пронзает меня шуточным убийственным взглядом.

— Близко. Но на этот раз маловато злобности из-за кулис.

— Дурак, — пихает она меня локтем, но скрыть улыбку ей не удаётся.

— Итак, Гарри, готов ли ты к сегодняшнему вечеру?

— Полагаю, что готов как никогда, — вздыхает он. — По крайней мере вы двое тоже там будете.

— Как сказать. И тебе это вряд ли поможет.

— Что? — Гермиона резко поворачивает голову ко мне.

— Ну-у-у. Надёжные источники сообщили мне, Гарри, что твоя партнёрша собирается свести всех с ума, явив миру свою ослепительную красоту. Нам повезёт, если пару взглядов сможем бросить поверх толпы парней вокруг неё, спотыкающихся друг о друга в надежде пригласить её на танец.

— Бросайте болтать ерунду, — но щёчки у неё предательски разрумянены.

— Просто отлично. А с кем мне тогда танцевать прикажешь? — хмурится Гарри.

— Не знаю, Гарри. Я просто не знаю, — пародирую я испуг. — Я попытаюсь сдержать так долго, как смогу, но после танца чемпионов налетит целая стая стервятников.

— А ты как? — говорит он после недолгого ворчания, подыгрывая мне. — Может быть я смогу побыть им препятствием на полтанца, пока меня не сомнут. И о чём я только думал, пригласив самую самую прекрасную женщину в школе?

— Подозреваю, — преувеличенно дрожащий вздох, — что нам придётся удовлетворять танцевальные нужды второразрядными красотками типа Флер.

— Заканчивайте тут с глупостями, — говорит Гермиона в крайней стадии румянца.

— Уильям, это ты тут глупый? Потому что я — нет.

— Я тоже. Чур я первый буду говорить ей комплименты, когда она выйдет.

— Ни за что! — задыхается от возмущения Гарри. — Она моя партнёрша!

— Тогда сам бы забивал права на неё, — я так и лучусь самодовольством.

— Она идёт со мной, поэтому все права мои. Автоматически! — заявляет Гарри после секундного замешательства. — Все остальные заявки недействительны.

— Конечно, в этом есть сермяжный смысл, — жалуюсь я. — А что если так — у тебя право на первый общий комплимент, а у меня первый комплимент на некую черту, область или часть тела.

— Может быть, а конкретнее?

— Ну… очевидно, я не могу сказать точно, пока не увижу результат.

— Жутко неопределённо всё, но, пожалуй, приемлемо. Готов спорить, что ты выберешь глаза.

— О, да не начну я с сих глубочайших омутов шоколадного чуда, если ты не хочешь, чтобы я растаял прямо здесь в коридоре.

— Удачливый ублюдок, — рычит он. — Тогда я буду вторым говорить комплименты на особую черту.

— Чёрт! Хороший ход. Знаешь, я не буду оспаривать свою вторую очередь на общий комплимент, но после этого все договорённости отменяются.

— Я на вас обоих силенцио наложу, как только увижу, — наконец выдаёт своё веское слово красная, как рак, Гермиона.

— А это выход, Гарри. Я полностью уверен, что как только я её увижу, то потеряю всю способность мыслить. Уж не говорю, чтобы пролепетать вразумительный набор слов.

— Как всегда, блистательная идея, Гермиона, — Гарри подбадривает её лёгким похлопыванием по спине. — Только в потерю Уильямом способности болтать ни за что не поверю, пока сам не стану свидетелем.

И мы смеёмся все вместе.

— Ага, он… — начинает Гермиона, но внезапно замирает, как и Гарри вслед за ней. Поворачиваюсь, а навстречу нам Драко с миньонами и Панси с парой подпевал. Драко колеблется, а вот Панси наоборот, готова испепелить всех нас убийственным взглядом.

Выдвигаюсь перед Гарри и Гермионой, чтобы прервать эту битву взглядов, и двигаюсь вперёд по правой стороне коридора. Драко, играя желваками, перемещает взгляд вдоль коридора и также идёт вперёд по другой стороне. Удивлённая Панси пытается перехватить его взгляд, но остальные свитские следуют за ним без вопросов. Расходимся без происшествий и молчим ещё целую минуту, пока шаги слизеринцев не затихают в общем шуме.

— Похоже, до мисс Паркинсон ещё не дошло, — спокойствие, только спокойствие.

Слышу облегчённый вздох Гермионы.

— Чёрт побери, Уильям. Неужели Дафна правду сказала, и он меняется?

http://tl.rulate.ru/book/53673/1360820